

З.В.Доде

ЭМБЛЕМЫ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛУНЫ, СОЛНЦА И ДРАКОНОВ В КОСТЮМЕ МОНГОЛЬСКОЙ КОЧЕВОЙ ЭЛИТЫ XIII-XIV ВЕКОВ¹

Существует несколько находок средневековой “монгольской” одежды с особым декором. Речь идет о халатах, рукава которых украшены изображениями луны и солнца, а также о халатах, сшитых из шелковых тканей с образами драконов и халатах с одновременным изображением драконов и небесных светил. В китайском средневековом церемониале халаты с такой символикой были принадлежностью царствующего дома. После падения династий Цзинь и Южная Сун монгольская элита присвоила часть китайских имперских символов. “Когда в 1220-60 годах монголы повернули на Запад и покорили значительную часть исламского мира, они принесли с собой и эти символы”, – пишет американский исследователь Т.Оллсен (Allsen T., 2002, p.107).

В золотоордынских памятниках халаты с декором в виде небесных светил были обнаружены на территории Северного Кавказа в могильнике у города Новопавловска Ставропольского края (Доде З.В., 2001б, с.67-68) и в некрополе у х.Рябичев в Ростовской области (Парусимов И.Н., 2009, с.47-51; Доде З.В., 2009а, с.18-19). Сохранились одежды с изображениями небесных светил, некогда принадлежавшие представителям династии Юань. Речь идет о женском халате из частной коллекции Артура Липера² и мужских халатах из коллекции Rossi & Rossi LTd (Style from the Steppes, 2004, p.38) и Китайского национального музея шелка в Ханчжоу (China National Silk Museum, 2005, p.30). Неопубликованный фрагмент халата с интересующим нас декором хранится в Музее монгольского искусства в Хух-Хото (Style from the Steppes, 2004, с.42). Происхождение юаньских халатов неизвестно.

Халат из коллекции Артура Липера имеет великолепную сохранность, которая обычно не характерна для костюмов, обнаруженных в археологических памятниках.

От мужского халата из коллекции Китайского национального музея шелка сохранились только часть лифа (левая полочка с воротником), шнуры, нашитые в области талии, и фрагмент левого рукава, на котором золочеными нитями вышиты облака и заяц (кролик) на диске (Шелковый путь..., 2007, с.121). Как правило, такая фрагментарная сохранность одежды характерна для археологических находок. Но в данном случае о том, где этот халат был найден, ничего не известно. Равным образом не известно происхождение халата из коллекции Rossi & Rossi LTd.

Помимо археологических материалов, существуют миниатюры, на которых монголы изображены в халатах с эмблемами небесных светил. Такие эмблемы показаны на верхней одежде персонажей, представленных на иллюстрациях к рукописи “Шахнаме”, выполненных в Тебризе в 1-й пол.XIV в. (The Legacy of Genghis Khan..., 2002, p.163, Fig.190; p.226, Fig.274), а также на иранской миниатюре из альбома Диза (Dschingis Khan..., 2005, p.274, Fig.302). Луна и солнце видны на рукавах халатов Туракине-хатун, жены великого хана Угедея (рис.1), и жены ильхана Хулагу, изображенных на тебризских миниатюрах 1-й пол. XIV в. (Полякова Е.А., Рахимова З.И., 1987, ил.6, 7). На миниатюре к рукописи Рашид ад-Дина “Джами’ ат-таварих” в сцене празднования монгольского Нового года на левом рукаве халата императрицы отчетливо видно изображение небесного светила (The Topkapı Saray

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ, проект №12-01-00038.

² Недавно этот халат вместе с другими предметами монгольского костюма из коллекции А.Липера был приобретен Фондом Марджани.

Рис. 1. Портрет Угедей-каана и его жены Туракине-хатун. Миниатюра к “Сборнику летописей” Рашид ад-дина. Тебриз, 1-я пол. XIV в. (Полякова Е.А., Рахимова З.И., 1987).

Fig. 1. A portrait of Ögedei-khagan and his wife Turakine-khatun. A miniature to Rashid al-Din's “Compendium of Chronicles”. Tabriz, the 1st half of the 14th century (Полякова Е.А., Рахимова З.И., 1987)

Museum..., 1986, Fig.44) (рис.2). На изображенных памятниках интересующие нас эмблемы обозначены концентрическими окружностями, окружностями с точкой в центре или диском.

Среди тканей “монгольского” времени известны шелка с изображениями драконов, выполненные в технике кэсы и лампас (Watt J.C.Y., Wardwell A.E., 1997, cat.13, 14, 17, 18, 22, 27, 30, 41; Fig.55, 68). Но в золотоордынских некрополях таких находок немного. Это

кафтан из мужского захоронения в могильнике Джухта-2 (Доде З.В., 2001а, с.121, рис.3), фрагменты халата из погребения на Южном Урале (Мажитов Н.Ф., 1977, с.114) и фрагменты одежды из погребения “ртутного принца” из Шумаевских курганов (Оренбург) (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.222). В качестве исторической аналогии следует назвать упоминавшийся женский халат из коллекции Артура Липера, на котором драконы вытканы на груди, спине и плечах.

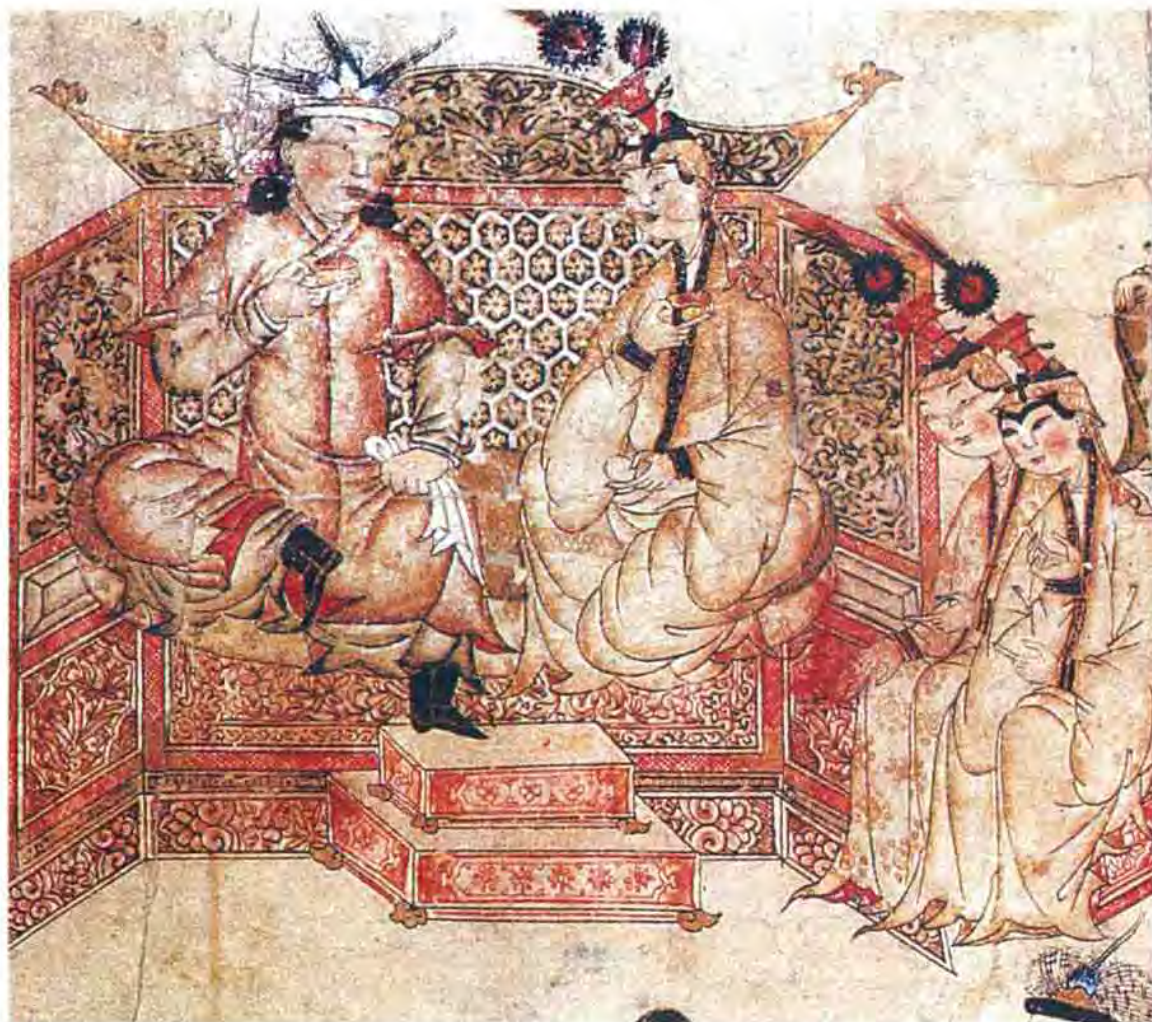

Рис. 2. Празднование монгольского Нового года. Фрагмент миниатюры к рукописи Рашид ад-Дина "Джами' ат-таварих" (The Topkapı Saray Museum..., 1986).

Fig. 2. Celebration of the Mongolian New year. A fragment of the miniature to Rashid al-Din's manuscript "Jami' at-Tawarikh" (The Topkapı Saray Museum..., 1986)

На изобразительных источниках персонажи в халатах, выполненных из тканей с драконами, встречаются редко. Они единичны на иранских миниатюрах. Среди источников китайского круга следует назвать шелковую буддийскую икону с мандалой Ямантака (Watt J.C.Y., Wardwell A.E., 1997, p.97. cat.25). На ней вытканы портреты монгольских императоров династии Юань и их жен в халатах с драконами. Фигуры драконов прослеживаются в одежде, представленной на каменных изваяниях, обнаруженных на территории Монгольской Народной Республики В.А.Казакевичем.

Исследовавший эти памятники Д.Баяр подчеркнул расположение драконов на халатах и сочетание орнаментальных элементов: "На двух изваяниях из местности Таван толгой рукава и вся верхняя часть одежды украшены изображением дракона. На спине одной из фигур дракон изображен на фоне орнамента в виде облаков..." (Баяр Д., 1985, с.154).

Сведения о декоре монгольской одежды с эмблемами небесных светил и драконов содержатся в письменных китайских источниках. Сообщения дипломатов вводят тему символики в исторический контекст. Так, юж-

носунский посол Пэн Да-я, находившийся в 1233 г в Монголии, пишет о верхнем платье монголов: “Раньше [оно шилось] из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелковых тканей и вышитого золотом шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпуровый и зеленый. Рисунки [на тканях – изображения] солнца, луны, дракона и феникса. [И это] без различий между благородными и подлыми” (Хэй-да ши-люе, 1960, с.140). Представляется, что китайского посланника мало интересовали простолюдины, и речь в его сообщении идет о младших и старших нойонах. Дипломата принимали в ставке великого хана. Следовательно, он видел людей из аппарата управления, имевших разный статус в имперской иерархии. Все они были одеты в одежды из шелков, декорированных высшими символами, что, с точки зрения Пэн Да-я, являлось нарушением табели о рангах, когда мелкие чиновники облачены в несоответствующие их статусу одежды. В семиотическом плане двор великого хана Угедая, с позиции китайского дипломата, являл собой хаос: имперские космологические символы на одеждах не осознавались как исключительная принадлежность правящему дому. Любопытно, что эти же символы на других предметах ханского обихода были ранжированы. По сведениям Чжао Хуна, посетившего в 1221 г ставку Мухали, заместника Чингисхана в Северном Китае, трон и знамя правителя отличались от трона и знамени его заместника. “[Император] восседает в кресле [сиденье] северных варваров, украшенном головами драконов, обложенными золотом. В [узоре кресла] го-вана [Мухали] местами употребляется серебро, и этим [оно] отличается [от кресла Чингиса]” (Мэн-да бэй-лу, 1975, с.76). У Чингисхана было большое белое знамя без каких-либо дополнительных деталей, у Мухали на белом полотнище знамени имелось черное изображение луны (Мэн-да бэй-лу, 1975, с.76-77).

Т.Оллсен отмечает, что ситуация кардинально меняется во время правления хана Хубилая. Исследователь пишет: “Как следует из «Юань-ши», в 1270 году двор «запретил ткать солнце, луну, драконов и тигров на шелковых и атласных тканях и украшать изображениями драконов и единорогов конские седла». Запрет на изображение солнца и луны понятен, так как эти два символа стали неразрывно связы-

ваться с императорской властью в переходные десятилетия. Эти изменения подтверждает заявление Марко Поло о том, что императорские инсигнии Хубилая были украшены изображениями солнца и луны. Таким образом, законы, регулировавшие потребление предметов роскоши, следуя аналогичным распоряжениям в правление династий Сун и Ляо, старались сохранить символы власти – изображения солнца и луны, драконов, тигров и носорогов, а также их магические свойства, исключительно за императорским двором” (Allsen T., 2002, p.108). Комментируя свой вывод, Т.Оллсен отмечает, что запреты основывались на известных прецедентах времен династий Сун и Ляо: “Так, в 1078 году особым указом императора династии Ляо простолюдинам было запрещено носить парчу и многоцветный шелк с украшениями в виде солнца, луны, гор и драконов” (Allsen T., 2002, p.108). Таким образом, при Хубилае изображения солнца, луны, драконов и тигров становятся императорскими символами, что также подтверждает текст главы об официальной одежде в “Юань-ши”, где описаны золотые драконы на платье императора и золотые фениксы на его головных уборах (Allsen T., 2002, p.107).

Предметом нашего исследования является содержание обозначенной символики в костюмах кочевников Монгольской империи. Исторические источники о солярно-лунарном декоре и образах драконов на монгольских халатах по трем из четырех улусов Монгольской империи распределяются следующим образом. Для анализа ситуации, сложившейся при династии Юань, имеются реальные халаты с такими эмблемами и письменные китайские источники. По сведениям Марко Поло, на золотой пайце главнокомандующего монгольской армией имеются следующие изображения: внизу – лев, вверху – солнце и луна (Книга Марко Поло, 1956, с.103).

Использование монголами дома Хулагу эмблем небесных светил и драконов на халатах подтверждается миниатюрами иранского круга; реальные находки одежды ильханов с таким декором не известны; молчат об этом и письменные иранские источники. Есть свидетельство о скульптурных изображениях драконов при дворе ильханов. Драконы и фениксы украшали изразцовый фриз дворца Абака-

хана, построенного в Тахт-и-Сулеймане (Западный Азербайджан) между 1270 и 1275 гг (Allsen T., 2002, p.107).

В золотоордынских некрополях на сегодняшний день обнаружено два халата, рукава которых украшены изображением луны и солнца, и три халата, сшитых из ткани с изображениями драконов. Письменных источников, проясняющих эту ситуацию в Золотой Орде, не существует. Рассмотрим сначала эмблемы небесных светил, а затем семантику изображений драконов на золотоордынских халатах.

Луна и солнце

Остановимся на основных характеристиках эмблем с изображениями луны и солнца. Для этого обратимся к характеру изображения небесных светил и месту их расположения на рукавах халатов.

На имеющихся артефактах изображения луны и солнца выполнены в разной технике. Рукава новопавловского халата украшала аппликация в виде лунницы и солярного диска, вырезанных из тонкого листового золота. Халат из некрополя Рябичев орнаментирован полихромной вышивкой шелковыми нитями и позолоченным кожаным шнуром. Декор халата из коллекции Артура Липера выполнен в ткацкой технике лампас. На мужском халате из Китайского национального музея шелка диск с изображением зайца (кролика) вышит золотыми нитями по основной шелковой ткани.

Разной является и форма изображенных светил. На новопавловском халате это солнечный диск и лунный серп. На рукавах халата из некрополя Рябичев изображены диски одинакового диаметра, в центре которых вышиты заяц (кролик) (рис.3б) и птица (рис.3а). На остальных халатах ясно сохранились изображения круга, в центре которого перед ступой виден стоящий на задних лапах заяц (кролик), и в одном случае – пятилепестковый цветок.

Если в новопавловском халате изображение небесных светил трактуется однозначно, то в остальных случаях их атрибуция требует уточнения. Различить солнце и луну в форме одинаковых круглых дисков возможно только по дополнительным деталям в декоре. Птица и заяц (кролик), вышитые на фоне светил, вхо-

дили в двенадцать символов на церемониальных халатах китайских правителей, начиная с эпохи Хань и вплоть до окончания правления последней династии Цин. Роскошный императорский халат с такими символами в 1914 г надел первый президент Китайской Республики Юань Шикай на торжественную церемонию в Храме Неба. На правом плече этого халата на белом лунном диске вышит заяц (кролик), толкующий в ступе эликсир бессмертия. Левое плечо украшает красный солнечный диск с изображением трехногой птицы (Haig P., Shelton M., 2006, p.36-37).

В китайской мифологии символическая связь кролика (зайца) и птицы с луной и солнцем находит подтверждение в древних китайских текстах (Yang L. et al., 2005, p.88, 95). Изображение этих животных на дисках небесных светил также имеет древнюю традицию. Солнце в китайской мифологии ассоциировалось с трехногой или, в некоторых случаях, с десятиногой птицей – вороном, который, в свою очередь, являлся символом небес и интеллектуального просветления. Ранние изображения трехногого ворона представлены в каменной пластике (Yang L. et al., 2005, p.96) и текстиле эпохи династии Восточная Хань (25-220 гг) (Huang N.-F., 1994, Fig. № 50).

Считается, что другой китайский мифологический персонаж – белый заяц (кролик) – живет на Луне и толчет в ступе гриб “линчжи” для приготовления снадобья бессмертия. Как правило, на китайских вышивках зайца (кролика) изображали на диске, рядом с его лунным домом, с пестиком в лапах и ступой, в которой находится волшебный эликсир (Scott P., 1993, p.39). Именно такая композиция выткана на правом рукаве женского халата из коллекции Артура Липера.

Итак, заяц (кролик) и птица, изображенные на фоне дисков, являются соответственно знаками луны и солнца. Но местоположение солярного и лунного дисков на рукавах рассматриваемых халатов существенно разнятся.

На женском халате из коллекции Артура Липера солярный диск украшает левый рукав, а лунный диск с изображением кролика (зайца) – правый. Противоположным образом располагаются изображения светил на двух других платьях – мужском халате из Китайского национального музея шелка и женском халате из

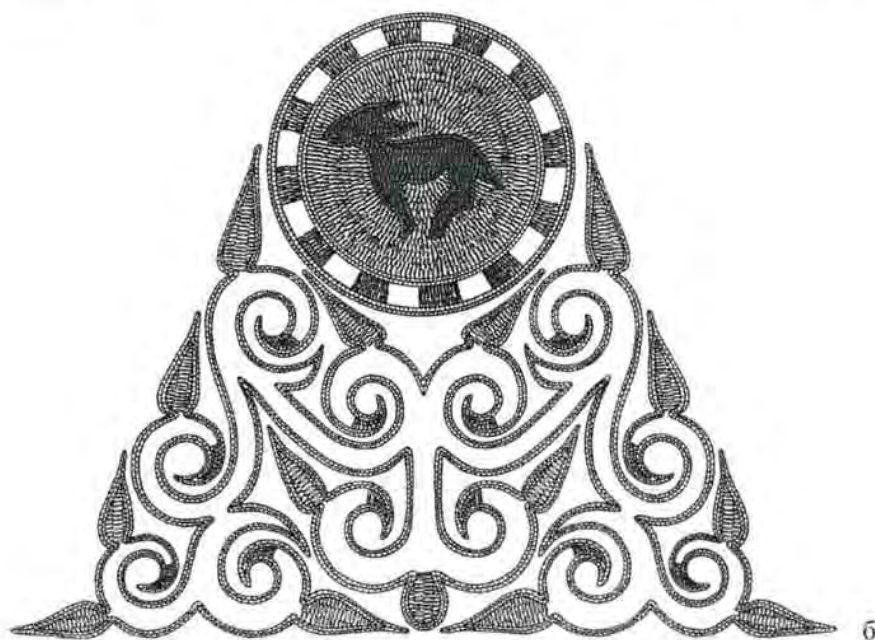
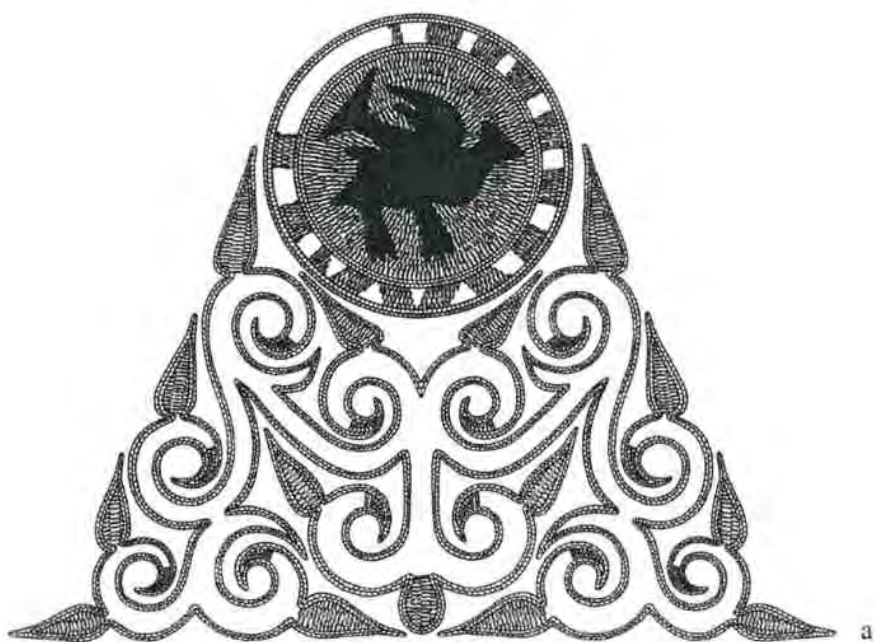

Рис. 3. Эмблемы небесных светил, вышитые на рукавах халата из могильника Рябичев, Ростовская область: а – солнечный диск с изображением птицы, б – лунный диск с изображением зайца.

Fig. 3. The emblems of heavenly bodies embroidered on the sleeves of a robe from Riabichev burial ground, Rostov province: а – a solar disk with the image of a bird, б – a lunar disk with the image of a hare

некрополя Рябичев. Здесь лунный диск размещен с левой стороны, а солнечный – с правой. Местоположение лунницы и солнечного диска на рукавах женского халата исследователями

Новопавловского могильника in situ не зафиксировано. На иранских миниатюрах монгольского времени диски луны и солнца неразличимы, и очень мало отчетливых изображений,

позволяющих объективно определить семантику круглых эмблем на рукавах халатов персонажей. Следовательно, необходимо установить исходное положение небесных светил на рукавах монгольских халатов.

Вопрос о месте лунницы и солярного диска неизбежно подводит к проблеме осмысления кочевниками окружающего пространства. Современные тюркские народы Саяно-Алтая, например, западные тувинцы и киргизы Восточного Памира, до сих пор обращают двери своих жилищ строго на восток, как и древние тюрки. Исследователи отмечают, что у других тюркских народов ориентация могла быть различной. Часть тюрков ориентировалась на восходящее солнце, то есть восток означал “вперед”, запад – “назад”, юг – “направо”, север – “налево” (Кононов Н., 1978, с.76-77). Другие предпочитали полуденное солнце, поэтому впереди у них был юг, сзади – север, справа – запад, слева – восток (Кононов Н., 1978, с.79-81).

Монголы ориентировались на полуденное солнце, то есть на юг. Г.А.Федоров-Давыдов полагает, что “этим объясняется погребение покойника головой на север так, чтобы он смотрел на юг, подобно тому как погребали головой на запад с тем, чтобы покойник смотрел на восток” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.159).

Культ Юга, в противоположность преждему культу Востока, по мысли В.В.Бартольда, резко отличает монголов от тюркских народов домонгольского периода. “Обращение к югу при религиозных, и в частности погребальных, обрядах наблюдается, как известно, в Китае и в подчинившихся влиянию Китая культурных областях, например, в Корее; отсюда естественно возникает предположение, что и в степи культ Востока был вытеснен культом Юга под влиянием китайской культуры. <...> Очень вероятно поэтому, что культ Юга начал распространяться в Монголии в эпоху могущества киданей (X-XII вв.). При Чингиз-хане этот культ сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам, и в настоящее время едва ли не во всех местностях Средней Азии, входивших некогда в состав Монгольской империи, юрты кочевников, как монголов, так и турков, обращены к югу. Неясным остается вопрос, насколько монгольские ханы при этом опирались на религиозные воззрения своего народа” (Бартольд В.В., 1966, с.392-393).

Согласно наблюдению Марко Поло, вход монгольского жилища всегда был обращен на юг; это касается юрт простых кочевников: “Дома у них деревянные, и покрывают они их веревками; они круглы; всюду с собой их переносят; переносить их легко, перевязаны они прутьями хорошо и крепко, а когда дома расставляют и устанавливают, вход всегда придается на юг” (Книга Марко Поло, 1956, с.88). На юг, по его сведениям, ориентирован вход и ханского шатра: “А палатка у него вот такая: в той, где бывают собрания, поместится тысяча всадников; а двери у нее на юг. Сюда сходятся князья и другие люди” (Книга Марко Поло, 1956, с.117). По свидетельству китайского дипломата XIII в. Пэн Да-я, “шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним – [шатры его] жен и наложниц” (Хэй-да ши-люе, 1960, с.138).

Очевидно, что при ориентации на юг север будет находиться сзади, восток – слева, а запад – справа. Однако эмблемы небесных светил, используемые в costume, – знаки не пространственной ориентации, а социального ранжирования. Возникает закономерный вопрос, можно ли ориентацию монголов по сторонам света использовать как основание для реконструкции оригинального расположения эмблем небесных светил на рукавах монгольских халатов вообще и новопавловского халата в частности? Ответ на него упирается в философскую проблему соотношения пространственного понимания мира и культурно-социальной ориентации. Апеллирую к мнению специалистов в этой области В.К.Потемкина и А.Л.Симанова. “Интересно то, что все представления о пространстве в древности были социализированными, – отмечают исследователи, – <...> социальные представления вносят свою лепту в представления о пространстве: структура пространства определяется и социальными процессами, социальной структурой общества. В свою очередь, сами эти процессы и их структура определяются пространством. Социализированное пространство – это пространство, наполненное и упорядоченное богами, героями и людьми, человеческими общинами и государствами, городами, планировка которых отражает еще мифологические взгляды на пространство с выделенностью его центра и

кругами постижения мира и совершения поступков” (Потемкин В.К., Симанов А.Л., 1990, с.36).

В развитие этих идей приведу мнение Л.П.Сычева, который полагал, что система китайской орнаментики, например, представляла собой картину мироздания и была связана с пониманием структуры окружающего пространства: “Дерево – это Восток, Утро, Весна, Начало, планета Юпитер, Пион. Символический цвет Дерева – зеленый, цвет пробуждающейся растительности. Хранитель Востока – Зеленый дракон (Цинлун). Его всегда изображали с востока у входа в культовые здания или на восточной стене, а также в «восточной» части декора бронзовых зеркал (ведь их декор представлял собой картину мироздания, а следовательно, был ориентирован по сторонам света). Он часто держал в лапах диск Солнца с изображением ворона – эмблему наступления Дня, Рождения Жизни...” (Сычев Л.П., 1977, с.127). Далее автор связывает пространственную ориентировку древних китайских городов с расположением эмблем солнца и луны на одежде китайских императоров, что, как представляется, подтверждает тезис о том, что в основе культурно-социального структурирования лежит пространственное миропонимание. “Обнаружено, что еще во II тыс. до н.э., – пишет Л.П.Сычев, – города были окружены квадратами стен с воротами, строго ориентированными по странам света. И эта планировка пережила века и тысячелетия. В ныне существующем императорском городе-дворце в Пекине мы видим ту же основу планировки, доведенную до крайней изощренности.

Южные ворота называются Тяньаньмэнь, то есть ворота небесного покоя. Прямая дорога от них ведет к другому Алтарю Неба в южном предместье. Северные ворота дворца называются Дианьмэнь, то есть ворота земного покоя. Дорога от них ведет к квадратному Алтарю Земли в северном предместье. За «Восточными воротами» находится Храм Солнца, а за «Западными воротами» – Храм Луны. И соответственно у императора, сидевшего в тронном зале лицом к Югу, на восточном плече было вышито солнце, а на западном – луна” (Сычев Л.П., 1977, с.128-129).

Обратим внимание, что Л.П.Сычев говорит о “восточном” и “западном” плечах, избе-

гая определения “правое” и “левое”. Однако в монгольском языке направления обозначаются теми же словами, что и стороны света. “Слова «юг» и «перед», так же как и «север» и «задний», являются синонимами. Понятия «западный» и «правый» обозначаются одним словом – баруун; «восточный» и «левый» – словом зуун”, – пишет исследовательница монгольской культуры Н.Л.Жуковская (Жуковская А.Е., 1988, с.157). На этом основании можно считать, что солярный диск, связанный с востоком, должен находиться на левом рукаве халата, а луна – на правом. На реконструкции женского халата из Новопапавловского могильника золотая лунница и солнечный диск были размещены соответствующим образом (Доде З.В., 2001б, с.68, ил.30).

Но определение пространственного положения эмблем не исчерпывает вопроса об их знаковом содержании. Дело в том, что “для мира пространство есть просто некий объем, вместительность. Все остальное: верх, низ, право, лево, север, юг, изотропность, дискретность и т.д. – имеет социальное происхождение. Человек, формируя свои представления о мире на основе индивидуального и социального опыта, формирует тем самым и пространство” (Потемкин В.К., Симанов А.Л., 1990, с.128).

Таким образом, пространственная ориентация не исчерпывает картину мира, где юг выступает доминантой, а воспроизводится в социальных моделях. Лама Галсан Гомбоев писал в сер.ХІХ в.: “Ныне у монголов южная сторона в особенном уважении. На юг делают возлияния *уракиши сацули сацуху*, югу приносят жертву *уракиши эргуху*. <...> *уракиши* значит «находящийся на юге» и «предок»” (Гомбоев Г.О., 1859, с.242). Монголы поклонялись предкам на юг так же, как они делали это в ХІІІ в., на что указывает брат Ц. де Бридиа: “Этому же идолу кланяются на юг, словно Богу, и к этому же многих принуждают, в особенности, покоренную знать” (Христианский мир..., 2002, §39). Таким образом, ориентировка монгольских погребений, скорее всего, связана с пониманием кочевниками социального пространства. В ритуале перехода от жизни к смерти, покойник – главный персонаж. Его статус в похоронной церемонии – царский. Модель его земного жилища – могила. Это означает, что погребальный ритуал воспроизводит ту же

самую культурную матрицу, которая структурирует пространство официальных церемоний – коронаций и пиров.

В монгольском имперском этикете, о котором мы можем судить по изобразительным и письменным источникам, левая и правая сторона несли разные смысловые нагрузки. Южносунский дипломат Пэн Да-я, побывавший в приемном шатре хана Угедея, пишет: “Что касается [различия между] местами у них [по почетности], то самым почетным считается центр, за ним идет правая [сторона], а левая [сторона] считается еще ниже” (Хэй-да ши-люе, 1960, с.141). По правую руку от хана находится мужская сторона, по левую – женская. О соотношении правой – левой сторон, символизирующих устройство монгольского социума, свидетельствует расположение хана и его подданных на первом пиру после коронации Менгу-хана в 1251 г. “Государь мира сидел на троне, по правую его руку – царицы, стоявшие толпой, точно созвездие Плеяд, и семь его высокопоставленных братьев чинно стояли перед ним, по левую руку сидели жены, подобные райским девам” (Рашид ад-Дин, 1960, с.133). Эту же картину воспроизводят иранские миниатюры из альбома Диза, на которых представлены пиршественные церемонии (Dschingis Khan..., 2005, р.257-258, 260-261, 263). Ритуал в золотом шатре закреплял за каждым участником пира обретенный им новый статус. Организация ритуального пространства отражала социальную иерархию.

В этом же контексте следует рассмотреть свидетельство Марко Поло о порядке официальной церемонии пиршеств Хубилая: “На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне, лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду” (Книга Марко Поло, 1956, с.111). Такое же соотношение правого – левого соблюдалось при расположении и угощении “семьи” войлочных онгонов: “жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним; и им также молятся” (Книга Марко Поло, 1956, с.90).

Такие же смысловые нагрузки правого и левого сохраняются в современной культуре монголов, о чем свидетельствуют этногра-

фические материалы. Н.Л.Жуковская пишет: “Независимо от ориентации юрты правая ее сторона ассоциировалась с мужчиной, мужскими предметами и видами труда, левая – с женщиной и женскими видами труда” (Жуковская Н.Л., 1988, с.17). Следовательно, у монголов правая сторона связана с категорией “мужское”, а левая – с категорией “женское”. Какое место в этих уравнениях занимают образы луны и солнца?

А.Г.Юрченко отметил, что “Бенедикту Поляку, участнику францисканской миссии 1245 г, было известно, какое символическое значение придавали солнцу и луне монголы: «Они имеют обыкновение начинать какое-либо дело в начале лунного месяца или в полнолунии. Также они говорят, что луна – это великий император, и, преклонив колени, поклоняются ей. А солнце, говорят они, это мать луны, потому что от него [луна] получает свет и потому что у него [солнца] огненная природа, которую они сами почитают превыше всего, ибо они верят, что через огонь все очищается»” (цит. по: Юрченко А.Г., 2006б, с.265). Исследователь особо подчеркнул, что “женская природа солнца закреплена в выражении «мать солнце» (*эжэ наран* в «Сокровенном сказании», §238; например: «явит себя матерью всего – солнцу»). Эта же тема представлена в шаманском обращении к солнцу и луне у бурят: «Восьмикруговое солнце – мать, девятикруговой месяц – отец»” (Юрченко А.Г., 2006б, с.265). Монголы иначе понимали природу луны и солнца, чем китайцы. В китайской системе мироздания солнце ассоциируется с мужским, а луна – с женским началом.

Таким образом, в монгольской системе координат луна символизировала мужское начало и соответствовала правой стороне, а солнце, связанное с женской символикой, – левой. Этим реалиям соответствует местоположение небесных светил на рукавах женского халата из коллекции Артура Липера. Но, как уже указывалось, на рукавах халатов из Китайского национального музея шелка и некрополя Рябичев луна и солнце расположены противоположным образом. Это несоответствие требует объяснения. Поскольку происхождение халата из китайского музея неизвестно, остановлюсь на находке из золотоордынского погребения в кургане у х.Рябичев.

Захоронение было совершено в подпрямоугольной яме с заплечиками. На заплечиках лежали деревянные доски, образующие перекрытие могилы. Сверху этого перекрытия лежало чучело лошади. Здесь же были обнаружены железные двуколычатые удила, железные детали уздечки, деревянное седло, обтянутое кожей, железные стремяна арочной формы. На дне ямы, под перекрытием, стоял деревянный гроб, в котором вытянуто на спине лежала погребенная женщина. Она была одета в шелковую одежду. Голова и лицо были накрыты шелковым головным убором из ткани темного цвета. Другой головной убор в виде берета находился с левой стороны от головы. При расчистке верхней одежды установлено, что ее правая пола перекрывала левую, то есть одежда была запахнута на левую сторону. На ступнях ног сохранились следы кожаной обуви плохой сохранности. Женщина лежала на шелковой крупноячеистой сетке, которая по бокам накрывала костяк. Голова погребенной покоилась на свернутом в виде подушки шелковом изделии с вышивкой. На шее зафиксирована шелковая нитка с фрагментами мелких серебряных бусин. У погребенной были серебряные серьги в виде знака вопроса с напускной бусиной (Парусимов И.Н., 2009, с.47-51; Доде З.В., 2009а, с.18-19).

При разборе погребения в камеральных условиях выяснилось, что интересующий нас халат с изображениями небесных светил в свернутом виде лежал под головой умершей женщины. Внутри этого халата находился еще один шелковый головной убор. Это был дополнительный набор одежды, положенный под голову.

На практике оказалось, что это не единственный случай обнаружения дополнительных предметов одежды в погребениях кочевников Золотой Орды. Свернутый бархатный головной убор джухтинского воина был обнаружен под черепом погребенного (Dode Z., 2007, p.82, Fig.22). Дополнительный набор одежды положили под голову женщины, похороненной в могильнике Вербовый Лог (Доде З.В., 2006, с.118). Объяснение этому обычаю находим в письменном источнике.

Брат Рикольдо де Монте Кроче из монастыря Санта Мария Новелла, странствуя и проповедуя христианскую веру на терри-

тории ильханов в 80-90 гг XIII в., описал погребальные обычаи монголов в своей книге "Путешествие по Святой Земле", где отметил, что они кладут в погребение дополнительный набор одежды. "Татары же верят и надеются на некое несуразное воскрешение именно к этой жизни. Поэтому мертвых своих они снабжают в соответствии с их положением. Например, бедным готовят много мяса и хоронят его вместе с мертвым, обкладывая его со всех сторон, а также новой одеждой, в придачу к той, в которую он был одет. И дают ему даже немного денег. Распределив, таким образом, мясо и деньги, они добавляют также сменную одежду и кладут под голову мертвому или мертвой нарядную и красивую одежду, свернутую валиком, и говорят ему: «Если кто придет и возжелает украсть прикрытое тобой, не позволяй, но дай ему то, что у тебя под головой»" (цит. по: Юрченко А.Г., 2008, с.301).

Итак, халат с изображениями небесных светил был положен в могилу в дополнение к тому костюму, в котором была погребена умершая женщина. Халат был сшит из шелковой ткани полотняного переплетения, в настоящий момент красно-пурпурного цвета. Воротник выполнен из шелка с мелким растительным орнаментом, вытканым золотой нитью. На внутренней стороне воротника нет следов изношенности. Золотой орнамент сохранился полностью и равномерно по всей поверхности воротника. Основная ткань халата плотная, хорошего качества. Шелковые ленты, служившие завязками, ровные и гладкие, без деформации и потертостей ткани, неизбежных при функциональном использовании завязок. Эти обстоятельства позволяют предположить, что халат был специально изготовлен для погребения. В таком случае инверсия изображения луны и солнца не является случайностью. Возможно, что перестановка изображений небесных светил на рукавах халата обусловлена зеркальной переменной смысловых значений "правое – левое", связанной с ритуалом перехода в иной мир. Если в мире живых значима правая сторона, то в мире мертвых будет значима левая сторона.

Подтверждением этой гипотезы служит изменение запаха верхней одежды умершей женщины. *In situ* правая пола шубы лежала поверх левой. Но запах одежды был изменен

на левый при погребении. На это указывает характер левой полы шубы, полностью выкроенной из основной шелковой ткани, орнаментированной изображением львов, окруженных облаками, в то время как правую полу скомбинировали из основного шелка и монохромной ткани полотняного переплетения. К тому же на шубе сохранились завязки, с помощью которых при бытовом использовании левую полу фиксировали сверху правой. Следовательно, владелица шубы при жизни носила ее так, что левая пола была верхней, то есть шуба запаховалась на правую сторону. Далеко не всегда сохранность археологического текстиля позволяет установить, было ли изменено направление запаха при совершении погребального обряда, или выявленный запах одежды является прижизненной характеристикой костюма. В данном случае мы имеем дело с единственным на сегодняшний день хорошо сохранившимся археологическим предметом костюма, свидетельствующим о практике изменения направления запаха одежды в погребальном обряде кочевников Золотой Орды.

Таким образом, размещение изображения лунного диска на левом плече, а солнечного – на правом на халате из могильника Рябичев связано с тем, что эта одежда, как представляется, была специально изготовлена для погребения. Вероятно, халат из Китайского национального музея шелка также был погребальной одеждой, чем и объясняется расположение изображения луны на левом рукаве. Местоположение небесных светил на женском халате из коллекции Артура Липера, напротив, указывает на прижизненное использование одежды. Реконструкция местоположения лунницы и солярного диска на рукавах новопавловского халата отражает жизненные реалии (рис.4). Имела ли место инверсия положения луны и солнца на рукавах новопавловского халата в связи с похоронным обрядом, установить невозможно.

На золотоордынских халатах мы имеем дело с двумя вариантами изображения луны и солнца. Это лунный серп и солярный диск, а также вышитые эмблемы небесных светил с изображениями зайца (кролика) и птицы.

Декор рукавов халата из Новопавловского могильника в виде лунного серпа и солярного диска можно считать монгольской традицией.

Так изображали луну и солнце на монгольских пайцзах и флагах. На флаге Хубилая с “Каталонского атласа” представлены три лунных серпа.

В Золотой Орде также были известны изображения небесных светил, обозначенные образами зайца (кролика) и птицы и выполненные в соответствии с китайской традицией. Об этом можно судить на основании находки фрагмента шелкового чехла для зеркала в женском погребении, выявленном в некрополе Увекского городища (Кубанкин Д.А., 2007, с.203, 213, рис.4, 1). Здесь на шелковом диске вышиты стоящий на задних лапах заяц (кролик), ступа, растительные побеги с листьями (рис.5). Композиция выполнена в соответствии с китайскими изображениями лунного зайца (кролика), готовящего в ступе снадобье бессмертия. Возможно, что для изготовления футляра вышивку использовали повторно. Вполне вероятно, что первоначально это изображение могло украшать рукав одежды, изготовленной в китайских мастерских. Эмблемы небесных светил, маркированные образами зайца (кролика) и птицы, на рукавах монгольских халатов династии Юань изготавливали китайские мастера. Это были вышивальщики или ткачи, которые выполняли изображения в собственной им манере.

Изображения зайца (кролика) и птицы на рукавах халата из могильника Рябичев отличаются своеобразием. Фигура зайца (кролика) передана условно. Его уши прижаты к голове. В силу плоскостного характера изображения видны только две лапы. Станным выглядит длинный хвост. Отсутствуют атрибуты лунного зайца (кролика) – ступа и пестик. Складывается впечатление, что мастер, создавший вышивку, не был знаком с китайскими образцами. То же касается изображения птицы, которая по китайской традиции должна быть трехногой; на вышивке из некрополя Рябичев представлена птица с двумя ногами.

Таким образом, перед нами искаженная иконография образов. Неясно, в силу каких причин это произошло. Наиболее вероятным объяснением деформации изображений луны и солнца на вышивке халата из могильника Рябичев представляется отсутствие социальной группы, контролировавшей эталонное воспроизведение символов. Влекло ли перемена-

Рис. 4. Реконструкция костюма женщины, погребенной в Новопавловском могильнике.
Fig. 4. A reconstruction of the costume of a woman buried at Novopavlovsk burial ground

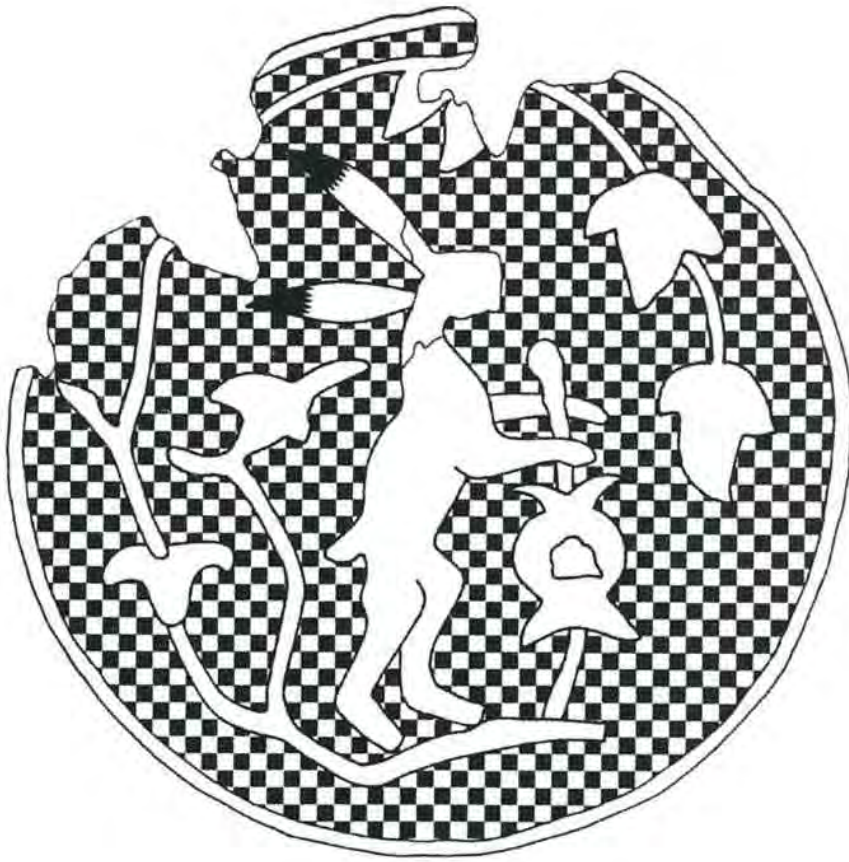

Рис. 5. Чехол для зеркала из некрополя Увекского городища.
Fig. 5. A cover for a mirror from a necropolis of Uvek hillfort

чивание изображений утрату их изначально-го смысла? Надо полагать, что значение этих символов оставалось прежним. Как отмечают исследователи, у современных монголов сохранились представления о связи луны и зайца. Н.С.Яхонтова отмечает, что в монгольском языке существует около 70 названий луны; в состав некоторых названий этого небесного светила входит слово “заяц” (Яхонтова Н.С., 2008, с.119, 123).

В продолжение темы необходимо отметить, что еще одной примечательной деталью статусного монгольского костюма являются так называемые “облачные воротники”, представляющие собой вытканый или вышитый орнамент в виде четырехчастной розетки, концы которой размещались на полочках, спинке и рукавах одежды (Доде З.В., 2010, с.52-59). Сохранились реальные халаты, орнаментированные “облачными воротниками”, а также

иранские миниатюры, на которых персонажи изображены в халатах с таким декором. Отмечу, что на миниатюрах в одном сюжете в халатах с “облачными воротниками” изображены и царственные особы, и лица из их ближайшего окружения. Четырехчастный узор воспроизводится не только на халатах исторических личностей, запечатленных на миниатюрах иранского круга, но и в орнаментике керамических сосудов династии Юань, и в убранстве монгольских шатров. Эмблемы в виде небесных светил на миниатюрах встречаются значительно реже, чем “облачные воротники”. Если четырехчастный орнамент, помимо одежды, использовали также для украшения других предметов декоративно-прикладного искусства, то изображения луны и солнца в культурном пространстве Монгольской империи размещали на статусных вещах – пайцзах и знаменах.

М.Г.Крамаровский связал изображение луны и солнца на джучидских пайцзах с харизмой Чингисхана, которую слабеющие ханы Золотой Орды притягивали к своему имени, заботясь о легитимности собственной власти. «Изображения небесных светил на золотоордынских пайцзах, – пишет М.Г.Крамаровский, – имеют фольклорную основу, восходящую ко времени создания единого монгольского государства на рубеже XII–XIII вв. Солнце и луна здесь – иконографическое воплощение харизмы Чингисхана. Обращение к харизме великого предка (едва ли не культурного героя), сконцентрированной в солярных символах, оказалось неизбежным для младших Чингисидов в периоды нестабильности монгольского государства кон.XIII – XIV в. Солнце и луна на золотоордынских пайцзах – это знаки *одалженной* [выделено М.Г.Крамаровским. – З.Д.] харизмы. Харизма Чингисхана занимает одно из центральных мест в историческом сознании монголов не только в прошлом, но и в настоящем. Изображения небесных светил вошли в современную государственную геральдику – «золотое соенбо». Знаки в виде серпа луны и солнечного круга в обрамлении трех языков пламени расшифровываются так: «Пусть живет и процветает во все времена народ, чей отец молодой месяц, чья мать – золотое солнце» <...>. Стоит подчеркнуть, учитывая буддийский контекст геральдического знака современных монголов, что старая монгольская традиция сказалась в двух компонентах. Во-первых, это золотой цвет – «соенбо» – знак непрерывающейся связи с золотым родом Чингисхана; во-вторых, это изображения небесных светил – молодой луны и солнца – источника харизмы основателя государства» (Крамаровский М.Г., 2001, с.79).

Подведем некоторые итоги. На халатах, обнаруженных в золотоордынских некрополях, небесные светила изображали в виде лунного серпа и солнечного диска и, на псевдокитайский манер, – в виде дисков с изображениями зайца (кролика) и птицы. Унификация отсутствует в изображениях солнца и луны на четырех золотоордынских пайцзах. На пайцзах ханов Токты и Узбека солнце изображено

на лицевой пластине в виде восьмилучевой розетки в круге; луна на реверсе – в виде небольшого кружка; на пайцзе Кельдибека солнце обозначено шестилучевой розеткой, а луна – как двурогая лунница; на пайцзе Абдуллаха представлено двойное изображение неполной луны, но отсутствует изображение солнца (Крамаровский М.Г., 2001, с.76, 115, рис.59)³. В Золотой Орде не существовало канонических изображений луны и солнца, поскольку не было заинтересованной группы, занимавшейся упорядочиванием символики. Но изображение небесных светил на пайцзах и рукавах одежды, по-видимому, является реализацией одной и той же мифологеми. Причем эта мифологема монгольская, а не китайская. Следует обратить внимание на то, что у монголов солнце – мать императора. Прародительница рода борджигинов – Гоа-марал (Прекрасная Лань) – изображена с символом солнца (Эрдэнэбат У., 2006, с.40, рис.29). Солнце воплощает идею правящего рода, чего не было у китайцев, а луна у монголов – символ императора. В таком случае, черная луна на белом знамени Мухали, о котором говорилось выше, – это знак самого Чингисхана. Возможно, в таком же контексте следует рассматривать и поясные бляшки в виде лунницы на монгольских поясах.

Обрисованная ситуация позволяет вернуться к вопросу о содержании эмблем небесных светил на рукавах халата женщины, погребенной в Новопавловском некрополе, и рассмотреть его в контексте социальных связей. Замечу, что Новопавловский могильник расположен в непосредственной близости к горе Бештау, где находилась летняя ставка хана Узбека. Здесь, по свидетельству Ибн Баттуты, монгольский двор пышно отмечал летний праздник (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.224). Не исключено, что халат с изображениями небесных светил на рукавах принадлежал одной из представительниц кочевой аристократии. На это указывает семантический анализ небесных символов.

Как уже указывалось, эмблемы луны и солнца изображены на рукавах халатов монгольских императриц: супруги Угедей-хана – Туракине-хатун и жены хана Хулагу на

³ Историография исследования монгольских и золотоордынских пайцз предложена в недавней публикации А.Б.Малышева и А.Г.Шереметьева (2010, с.323–337).

тебризских миниатюрах 1-й пол. XIV века. Обе женщины, без сомнения, принимали участие в военных советах. Информация об участии высокопоставленных жен в таких мероприятиях содержится в письменных источниках. Описания Золотой Орды, оставленные средневековым египетским ученым, автором последней большой энциклопедии мамлюкской эпохи, Шихаб ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди (1355-1418), опираются на работы его знаменитых предшественников, писавших свои сочинения в XIV в. (Григорьев А.П., Фролова О.Б., 2002, с.262). В восьмом своде сведений “относительно размеров воинства этого государства [Золотой Орды. – З.Д.], устройства его управления, размеров жалования, назначаемого [его воинам], и [формы] их одежды” автор сообщает следующее: “А жены этих [ханов] принимают участие в управлении, и повеления исходят также и от их имени, как у тех, и [даже] более того. Исключение составляла разве что Багдад [-хатун], дочь Чобана и жена Абу Са’ида Бахадира ибн Худабанда, потому что не было того, кто смог бы не подчиниться ее повелению. Говорит утверждающий решения аш-Шихаби ибн Фадлалла: я познакомился со многими документами, исходившими от владык этой страны со времен Берке и позже. В них писалось: «Мнения [ханских] жен и эмиров сошлись на следующем» – и тому подобное” (цит по: Григорьев А.П., Фролова О.Б., 2002, с.299).

Итак, жены улусных ханов принимали участие в государственном управлении. Соллярная символика их костюмов соответствовала их роли в системе власти. Каково было содержание этой символики в каждом из четырех улусов Монгольской империи? Указывают ли находки халатов с таким декором в некрополях Улуса Джучи на принадлежность погребенных к “золотому роду” Чингизидов, или шире, к кочевой аристократии иного происхождения? Были ли в Улусе Джучи эмблемы небесных символов регламентированы? С учетом изображений солнца и луны на ордынских пайцзах и свидетельств о золотом полумесяце над дворцом Узбека⁴ и знамени Узбека⁵ на этот вопрос следует дать положительный ответ. На материалах династии Юань можно говорить о поле символов, включавшем небесные эмблемы на халатах и пайцзах. Как уже упоминалось выше, на золотой пайцзе главнокомандующего монгольской армией изображены внизу – лев, вверху – солнце и луна (Книга Марко Поло, 1956, с.103). Для Улуса Джучи мы имеем аналогичное семантическое поле: символы солнца и луны на халатах и пайцзах ханов Токты и Узбека. Проблема заключается в отсутствии словаря символов. Мы не знаем, какими предписаниями руководствовался двор хана Узбека относительно внешнего вида правителя, его семьи и ближайшего окружения. Поэтому остается неясным содержание небесных эмблем на костюмах кочевой элиты Золотой

⁴ Монгольские ханы достаточно широко использовали полумесяц для визуализации своей власти. Изображение лунного серпа встречается не только на пайцзах, знаменах и монетах, но также в архитектурном убранстве светских зданий. Сведения о том, что крыша дворца Берке в Сарае была увенчана изображением лунницы, содержатся в сочинении Ибн Фадлаллаха Аль-Омари, арабского ученого и секретаря египетского султана. Историк пишет: “Рассказывал мне доблестнейший Шуджа’ ад-дин ‘Абд ар-Рахман ал-Харазми, толмач, что город Сарай построен Беркеханом на берегу Туранской реки (Итиля). Он (лежит) на солончаковой земле, без всяких стен. Место пребывания царя там – большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние, (весом) в два кантыра египетских. Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его” (История Казахстана..., 2005, с.179). Очевидно, что изображение полумесяца над светским зданием никакого отношения к мусульманской религиозной символике не имело. “Золотое новолуние” над ханским дворцом – все тот же знак “великого императора”.

⁵ Луну изображали на флагах монгольских правителей. Знамя правителя занимало исключительное место в системе монгольских символов власти (Юрченко А.Г., 2006а, с.265). По письменным источникам известно, как выглядело знамя го-вана Мухали, наместника Чингсхана в Северном Китае, о чем говорилось выше. На Каталонском атласе 1375 г, выполненном картографом Абрахамом Креском, представлены знамена владетелей восточных государств. Нас интересуют флаги монгольских правителей. На флаге Хубилая, правителя империи Юань, Абрахам Креск изобразил три лунных серпа. На флаг Джанибека – хана Золотой Орды – он поместил изображение тамги и полумесяца.

Орды. Однако вполне допустимо предположение о том, что костюмы кочевников с эмблемами солнца и луны транслируют идею принадлежности власти “золотому роду” (солнце) и наследования харизмы Чингисхана (луна).

Регулярные церемонии в приемном шатре хана Узбека, свидетелем которых явился Ибн Баттута, указывают на жизненную силу иерархического мифа. Символы власти демонстрировали расклад реальных полномочий. Монгольский ритуал являлся составной частью зрелищного аспекта политики. Помимо описания церемоний в ханском шатре, Ибн Баттута дает яркую зарисовку повседневной жизни жен эмиров, которые, как мы предполагаем, носили халаты с небесными эмблемами.

“В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком у них женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины. Что касается жен эмиров, то в первый раз мне привелось увидеть их при выезде из Крыма; я увидел [тогда] хатун, жену эмира Салтыя, в арбе ее. Вся она [арба] была обтянута хорошим синим сукном; окна и двери кибитки были раскрыты; перед нею (хатун) находились четыре девушки, чудеса красоты и диковинки по одежде. За ней следовало еще несколько арб, в которых [сидели] девушки, сопровождавшие ее. Приблизившись к месту привала эмира, она сошла с арбы на землю; вместе с ней слезли около 30 девушек, которые приподымали полы ее одежды. На платьях ее были петли⁶; каждая девушка бралась за петлю, приподнимая от земли полы со всех сторон, и она (хатун) шла таким образом, важно покачиваясь. Когда она дошла до эмира, то он встал перед ней, поклонился ей и усадил ее возле себя, а девушки ее окружили ее. Принесли меха с кумысом. Она налила его себе в чашу, присела на оба колена перед эмиром и подала ему чашу. Он напился. Потом она дала напиток брату его, а эмир дал напиток ей. Подано было кушанье, и она поела вместе с ним (эмиром). Он подарил ей платье, и она возвратилась. Вот таким образом обходятся с женами эмиров” (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.215-216).

Для сравнения приведем описание выезда ханских жен. Бросается в глаза обилие золотых и серебряных украшений, отсутствовавших у жены эмира. “Каждая хатун их ездит в арбе; в кибитке, в которой она находится, навес из позолоченного серебра либо разукрашенного дерева. Лошади, которые везут арбу ее, убраны шелковыми позолоченными покрывами. Возница арбы, который сидит верхом на одном из коней, – молодой парень, называемый *улакши*. Хатун сидит в своей арбе; направо от нее – женщина из старух, называемая *улу-хатун*, – пишется через *у* и *л*, – что значит *визирша* (помощница), а слева – также женщина из старух, называемая *куджук-хатун*, – пишется через *ку* и *дж*, – что значит *хаджиба*. Перед нею (хатун) – шесть маленьких девушек, которые называются *банат* (дочери), отменной красоты и крайнего совершенства, а позади ее – две такие же [девушки], на которых она опирается. На голове хатун – *бугтак*, т. е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху. На ней (хатун) – шелковая одежда, усыпанная драгоценными камнями, вроде мантии, какую надевают византийцы. На головах визирши и хаджибы – шелковые покрывала, убранные по краям золотом и драгоценными камнями. У каждой из «дочерей» на голове шапочка, похожая на колпак, с золотым венчиком поверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним. Затем на каждой шелковая, с золотом, одежда, называемая *нах*. При хатун [находятся еще] десять или пятнадцать византийских или индийских отроков, одетых в шелковую, шитую золотом, одежду, убранную драгоценными камнями. У каждого из них в руке жезл из золота или серебра либо из дерева, покрытого ими [золотом или серебром]” (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.219).

Очевидно, что погребенная в Новопавловском некрополе женщина обладала высоким социальным статусом. Более того, небесные светила на ее халате выглядят так, как они представлены на монгольских символах власти – пайцзах и знаменах, то есть в виде лунного серпа и солнечного диска. Приведу еще одно

⁶ Известны реальные халаты с петлями на подоле: экземпляр из бывшей коллекции Артура Линпера и халат, найденный Н.А.Мажитовым в курганах Южного Урала, в настоящий момент хранящийся в Государственном Эрмитаже (инв. № Баш. 001).

наблюдение. Как уже говорилось, эмблемы небесных светил на рукавах новопавловского халата вырезаны из листового золота. Как аппликация выглядит солнечный диск, нашитый на левый рукав халата монгольской императрицы, изображенной на персидской миниатюре к рукописи Рашид ад-Дина (*The Topkapı Sarayı Museum...*, 1986, Fig.44) (рис.2). Изобразительный источник не позволяет определить, из какого материала выполнена эта аппликация. Есть основания говорить о том, что новопавловские эмблемы не были провинциальным подражанием ханским символам. Несомненно, что персона, обладавшая такими знаками, относилась к властной элите Улуса Джучи. Здесь есть еще одно любопытное обстоятельство. Дело в том, что ее костюм был иным по сравнению с костюмами знатных монголов. Халат, в котором была погребена эта женщина, отличался от монгольских халатов кроем и манерой ношения. Это было распашное, отрезное несколько ниже линии талии платье, которое носили с поясом, свернутым из тонкой шелковой ткани зеленого цвета, в отличие от широких монгольских цельнокроеных халатов, которые знатные женщины не подпоясывали (Доде З.В., 2005а, с.29). Рукава новопавловского халата были прямыми и относительно узкими, по сравнению со сложными, выкроенными в форме “летучей мыши”, широкими рукавами с манжетами на монгольских халатах. Головной убор с конусовидной формой навершия отличался как от боктаг с квадратным, прямоугольным или

круглым расширением верхней части, которые носили монгольские императрицы династии Юань и дома Хулагу, так и от известных золотоордынских форм боктаг с навершиями в виде “птичьего клюва” (Доде З.В., 2008, с.52-63).

Халат и головной убор, в которых была погребена женщина в Новопавловском некрополе, являются предметами тюркского костюма⁷, что позволяет видеть в ней представительницу одного из тюркских племен. Немонгольское происхождение не противоречит ее высокому социальному статусу и возможности участия в военных советах. Эта женщина могла быть женой монгольского нойона.

Почему высокопоставленная особа, погребенная в Новопавловском могильнике, на халате которой были размещены чингизидские эмблемы, носила не монгольский, а тюркский костюм? Персидские миниатюры, на которых изображены официальные церемонии ильханского двора, передают особенности придворного этикета, по которому костюмы всех участников строго регламентированы. Все женщины одеты в халаты одинакового кроя, декора и цвета; тождественна и форма их головных уборов. “Очевидно, что в этих и других случаях костюм и прическа женщин диктовались не личными пристрастиями, а требованиями придворного этикета”, – пишет А.Г.Юрченко (2006а, с.176).

Регламентация официальных одежд сохранялась и в Золотой Орде. О том, что в ставке Узбека раздавали наградные пояса и халаты,

⁷ Исследователи Новопавловского могильника полагают, что погребенная женщина была одета в монгольский костюм. Выискивание “монгольских” черт платья и головного убора там, где они в действительности отсутствуют, потребовалось Е.И.Нарожному и Н.А.Охонько для того, чтобы доказать “монгольское происхождение” золотоордынской элиты. Приведу их мнение с сохранением авторской орфографии и пунктуации: “...целый ряд признаков погребального обряда, наличие высокохудожественных изделий из цветного металла, остатки характерных головных уборов (ююкка), предметов одежды с их конструктивным решением и декором, прочий инвентарь, наглядно <...> документируют то, что этот могильник являлся по происхождению именно «монгольским» и был связан с потомками тех монголов XIV в., которые родились и выросли на Северном Кавказе” (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.93). Утверждения авторов о нахождении в могильнике двух головных уборов (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.62), о форме головного убора, якобы имеющего в верхней части расширение (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.61), о правом направлении запаха халата (Нарожный Е.И., Охонько Н.А., 2007, с.66) и т.п. не подтверждаются полевой документацией. Для опровержения версии о тюркском характере женского костюма исследователям следовало бы обращаться к реальным артефактам, а не к воспоминаниям о раскопках 25-летней давности. Но дело не только в этом. Утверждение Е.И.Нарожного и Н.А.Охонько о том, что в Новопавловском могильнике была обнаружена бокка, не подтверждает “монгольского происхождения” погребенных. В семантике боктаг превалирует не этническое, а политическое содержание (Юрченко А.Г., 2006а; Доде З.В., 2008).

в которые облачали участников церемонии, свидетельствует очевидец праздника, проходившего в начале июня 1334 г в ханской ставке в местности “Бишдаг”, в окрестностях горы Бештау в Пятигорье, арабский путешественник Ибн Баттута. Рассказывая о последовательности церемониала, он, в частности, пишет: “Потом принесли халаты, и на каждого эмира был надет халат. Надев его, он подходит к подножию султанской башни и кланяется” (цит. по: Юрченко А.Г., 2009, с.440). По всей видимости, в золотоордынских церемониях сохранялись имперские традиции, в которых почетный халат выполнял функцию государственного символа. Но историческая реальность не ограничивалась рамками торжественных мероприятий. В большинстве случаев умерших хоронили в том, что они носили при жизни. Новопавловская находка – не единственный пример тюркского костюма, обнаруженного в захоронениях золотоордынского времени. Во 2 кургане могильника Джухта-2, кон.XIII – XIV в., погребенный воин был одет в платье половецкого типа (Доде З.В., 2001а, с.126; Dode Z., 2007, р.67-90; Доде З.В., 2010, с.261-262). Доказательством сохранения половецями своего костюма в период монгольского владычества на Северном Кавказе является каменный рельеф из дагестанского аула Кубачи со сценой половецкой клятвы на разрубленной собаке (Доде З.В., 2009б, с.389-414; 2010, с.100-123). На других каменных рельефах и бронзовых котлах, выполненных в Кубачи в посл. трети XIII – нач.XIV в., сохранились изображения людей в монгольских и северокавказских костюмах (Доде З.В., 2010).

Очевидно, что представители золотоордынской знати являлись ко двору и на официальные церемонии в “монгольском” халате. Но при этом вполне вероятно, что они носили традиционный костюм, сохраняя этническую самоидентичность в повседневной жизни.

Дракон

Что касается другой эмблемы – драконов, вытканых на “монгольских” халатах, следует отметить, что дракон в китайской традиции был неразрывно связан с небом. Это обстоятельство крайне важно в контексте рассматриваемого нами вопроса, поскольку, как убедительно

показала Т.Д.Скрынникова, “идея «божественной инвеституры», или небесного избранничества, была в монгольском обществе единственной основой легитимности власти” (Скрынникова Т.Д., 1997, с.66). Образ дракона как императорская инсигния был заимствован монголами в Китае. Изображения драконов украшали различные предметы, предназначенные для дворца. Но, сохранив за драконом отличительный знак государственной власти, монгольские ханы до указа Хубилая не монополизировали этот образ: и изображения драконов появляются на тканях, поясных бляхах, чашах из дорогих металлов, которые обнаружены в кочевнических захоронениях на территории Евразии.

Количество археологических находок халатов с эмблемами драконов ограничено. Также лимитировано изображение подобной одежды в иконографических источниках. Возможно, это связано с исключительным статусом индивидов, принадлежащих к корпусу высшей знати империи, или халаты с изображениями драконов относились к особой категории наградных одежд.

Поясные бляхи и чаши с изображениями драконов, обнаруженные в памятниках Золотой Орды, были исследованы в работах М.Г.Крамаровского. По мнению автора, на монгольских поясах “можно различить не менее трех вариантов монстров: небесных, водных и земных” (Крамаровский М.Г., 2001, с.52). М.Г.Крамаровский пришел к заключению, что “невозможно доказать, существовала ли связь между символической функцией той или другой категории монстров и характером служебных обязанностей их владельца, но отражение в изобразительной структуре поясов оппозиции «верх» – «низ» наводит на мысль о существовании какой-то картины мира (в нашем случае, несомненно, мультиплицированной)” (Крамаровский М.Г., 2001, с.53). Мы обратимся к находкам халатов, выполненных из шелковых тканей с образами этого фантастического существа, обнаруженным в золотоордынских некрополях. Одна из задач состоит в том, чтобы проверить, приложимы ли выводы М.Г.Крамаровского о семантике драконов к новому материалу.

Отмечу, что существует несомненная связь между изображениями драконов на

древних и средневековых китайских шелках и описаниями драконов в китайской мифологии. Различия в изображениях драконов на шелковых китайских тканях не столько являются стилистическими особенностями художественного дизайна, сколько маркируют разное изображение монстров, которые в мифах не похожи друг на друга не только внешне, но и по характеру своей роли и сущности (Доде З.В., 2005б, с.145). Это утверждение согласуется с наблюдением М.Г.Крамаровского о трех видах драконов, изображенных на поясных бляхах.

Шелка воплощали в себе целый мир художественных образов. Орнамента и техника шелковых тканей монгольского времени во многом представляют собой синтез традиций центральноазиатских, иранских и китайских мастерских. На шелковых китайских тканях нередко встречаются образы персидского искусства. В свою очередь, иранские ткачи занимались изображениями из центральноазиатских и китайских текстильных сюжетов. Вероятно, художественная передача образа дракона не являлась для заказчиков важным обстоятельством. В этой ситуации утверждение М.Г.Крамаровского о невозможности “доказать ... связь между символической функцией той или другой категории монстров и характером служебных обязанностей их владельца” не актуально. Такой связи не существовало.

Иначе обстоит дело со значением количества когтей на лапах этих фантастических животных. У джухтинского дракона три когтя (рис.6), у южноуральского (рис.7) и шумаевского⁸ драконов (рис.8) – четыре. Принято считать, что количество когтей на лапах дракона обозначает ранг обладателя в социальной структуре. Изображения драконов с пятью когтями в китайской традиции являлись принадлежностью императорских халатов. Четырехпалые драконы были эмблемой одежды князей (родственников императора?), трехпалые существа украшали одежды гражданских чиновников и военных. Обратим внимание на то, что халат из коллекции Артура Липера декорирован не только эмблемами луны и

солнца. По центру переда и спины, а также на рукавах, ниже изображения небесных светил, размещены великолепные пятипалые драконы – символ императорской власти. Напрашивается предположение, что данный женский халат, в декоре которого сочетаются драконы с пятью когтями и эмблемы с изображением луны и солнца, принадлежал жене одного из ханов династии Юань. Но на халатах монгольских императоров, портреты которых вытканы на мандале Ямантака, созданной в юаньских ткацких мастерских, изображены пятипалые драконы, а на халатах императриц – драконы с четырьмя когтями. Мы сталкиваемся с явным несоответствием, которое в настоящий момент не поддается объяснению. Ситуация усложняется тем, что реальный халат был приобретен дилером на черном рынке исторических ценностей и не имеет археологического контекста.

Обратимся к находкам халатов с изображениями драконов из закрытых археологических комплексов. Вопрос ставится следующим образом: существует ли связь между количеством когтей на лапах изображенных драконов и градацией золотоордынских кочевнических погребений?

На сегодняшний день количество таких находок ограничивается тремя халатами, что не позволяет делать обобщающих выводов. Следует лишь указать на различный статус погребенных, облаченных в одежды из тканей с изображением драконов. Можно говорить о корреляции признаков (числа когтей на лапах драконов) с различиями в обряде захоронения и качестве погребального инвентаря. Так, очевидна разница в социальном положении кочевников, погребенных в могильниках Джухта и Шумаевский.

Джухтинский воин, одетый в кафтан с трехпалым драконом, был похоронен с набором оружия (железный кинжал в деревянных ножнах, лук с деревянной основой, берестяной колчан). В его погребении находилась серебряная чаша с гравированным орнаментом. В захоронении лошади, сопровождавшем его погребение, были выявлены детали седла

⁸ Следует отметить, что на ткани из погребения “ртутного принца” не сохранилось полное изображение драконьей лапы. Но на основании имеющегося фрагмента, с большой долей вероятности, можно говорить о том, что на этом шелке было изображено животное, имеющее, как минимум, четыре когтя.

Рис. 6. Реконструкция орнамента ткани с драконами из могильника Джухта-2, Ставропольский край.

Fig. 6. A reconstruction of the ornament of the fabric with dragons from Jukhta-2 burial ground, Stavropol Territory

и два железных стремена (Доде З.В., 2001а, с.118; Dode Z., 2007, р.79, Fig.11, 1).

Погребение человека из 7 кургана Шумаевского некрополя, одетого в одежду⁹ с изображением четырехпалого дракона, было совершено с применением ртутного бальзамирования (Матюшко И.В., 2008, с.146), что уже само по себе свидетельствует о его необыкновенно высоком социальном статусе. Погре-

Рис. 7. Реконструкция орнамента ткани с драконами из Уфимского могильника, Южный Урал.

Fig. 7. A reconstruction of the ornament of the fabric with dragons from Ufa burial ground, Southern Ural Mountains

бальный инвентарь во много раз превосходил тот, который сопровождал джухтинского воина. Как следует из археологического отчета, опубликованного авторами раскопок. "ртутный принц" был похоронен с полным набором вооружения, в который входили кетмень, дротики, палаш, лук, колчан со стрелами и кольчуга. Серебряная литая чаша с пышным растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки, чеканки и чернения, первоначально являлась составной частью другого предмета (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.113-116). Эта чаша выглядит намного богаче джухтинской чаши стандартной формы. Шумаевский

⁹ Размеры и форма сохранившегося фрагмента ткани позволяют отнести его к деталям одежды, а не к лентам для бальзамирования, которые были зафиксированы при расчистке погребения.

Рис. 8. Прорисовка орнамента на фрагменте ткани с драконом из Шумаевских курганов, Оренбургская область.

Fig. 8. A detailed representation of the ornament on a fragment of the fabric with a dragon from Shumaievskii barrows, Orenburg province

воин был погребен в сопровождении двух коней. Конское снаряжение представлено удилами, стременами и седлом. Убранство одного из коней отличалось особой пышностью: на конском черепе был найден железный султан с бронзовыми заклепками, а копыта лошади

были покрыты серебряной фольгой (Моргунова Н.Л. и др., 2003, с.107).

Очевидно, что шумаевский и джухтинский воины входили в командный состав монгольского войска, который, как известно, состоял из темников, тысячников, сотников и десятников. Инвентарь, сопровождавший шумаевского воина, был несравненно богаче того, который положили человеку, погребенному в Джухте. Однако различие инвентаря в шумаевском и джухтинском курганах не проясняет ситуацию с местом погребенных в военной иерархии Золотой Орды.

Большую пользу мог бы принести анализ погребального обряда и состава инвентаря в захоронении Уфимского могильника, где был обнаружен еще один кафтан с изображением четырехпалых драконов. Но в настоящий момент сделать это невозможно¹⁰. Пока удалось реконструировать орнамент ткани и сопоставить его с орнаментикой шелков на джухтинской и шумаевской находках. Изображения драконов на уральском шелке отличаются от образов фантастических животных на джухтинской и шумаевской тканях по стилю и размерам изображения. Несмотря на то, что на ткани из Уфимского могильника изображен четырехпалый дракон, его размеры значительно меньше, чем размеры трехпалого дракона на джухтинском халате. То есть налицо несоответствие между размерами изображенных на тканях драконов и количеством их когтей.

Существует еще одно осложняющее ситуацию обстоятельство. Погребенные в шумаевском и джухтинском курганах не являлись монголами в культурном отношении, несмотря на монголоидные черты их внешности. В результате антропологического анализа, проведенного М.М.Герасимовой и Д.В.Пежемским, был установлен расовый тип человека, погребенного в джухтинском кургане. Ближайшие аналогии краниологическому типу погребенного мужчины исследователи видят среди популяций центрально-азиатского круга и считают, что его антропологические особенности существенно отличались от тех,

¹⁰ В публикации комплексов этого памятника (Мажитов Н.А., 1977) отсутствует точное описание орнаментов тканей. В учетной документации Государственного Эрмитажа, где эта ткань хранится (А30763), отсутствует топография находки. Научный отчет о раскопках памятника в архиве Института археологии РАН найти не удалось.

которые встречались у половцев (Герасимова М.М., Пежемский Д.В., 2001, с.197). Погребение было совершено по языческому обряду поздних кочевников Восточной Европы XIII-XIV вв. Наиболее характерными признаками захоронения джухтинского воина являются: ориентировка умершего головой на запад, погребальная конструкция в широкой прямоугольной яме с заплечиками, перекрытой деревянной рамой, и сопогребение коня в отдельной яме. Период XIII-XIV вв. характеризуется смешением и синкретизмом признаков кочевнического погребального обряда. Это обстоятельство не позволяет однозначно определить этническую принадлежность человека, погребенного в джухтинском кургане. Но его кафтан с изображением драконов был кыпчакского, а не монгольского типа (Доде З.В., 2001а, с.127) (рис.9). В то же время верхний халат джухтинского воина, сшитый из шелковой ткани с изображением фениксов, представлял собой типичный монгольский халат с бантовыми боковыми складками. Такое сочетание в costume двух видов одежды позволяет предполагать в погребенном знатного тюрка, находившегося на монгольской службе.

Человек, погребенный в шумаевском кургане, также относился к "типично монголоидной расе центральноазиатского типа", что было установлено Л.Т.Яблонским (Матюшко И.В., 2008, с.142). Форма его одежды не восстанавливается из-за фрагментарной сохранности. Этнокультурная принадлежность "ртутного принца" определена на основании половецкого погребального обряда: "шумаевское погребение представляет собой захоронение тюркского богатого и знатного воина-профессионала, вероятно, военного предводителя XIII-XIV веков" (Матюшко И.В., 2008, с.147).

Таким образом, рассматриваемые одежды с изображением драконов обнаружены в захоронениях представителей тюркской знати. То, что обладатели халатов с драконами были включены в военно-политическую систему Золотой Орды, не вызывает сомнения. Но у нас нет источников, которые позволили бы однозначно признать, что количество когтей на лапах изображенных драконов было связано с рангом обладателя халата в политической структуре Золотой Орды. Между тем, очевидно, что в других Улусах такое ранжи-

рование имело место. В империи Юань указ Хубилая 1270 г закрепил исключительное право использования изображения драконов за правящим домом. Надо полагать, что ильханы руководствовались этим положением, поскольку в придворном искусстве монгольского Ирана встречаются, главным образом, изображения четырехпалых драконов, которые соответствовали рангу князей. Однако на одной из иранских миниатюр 1310 г из собрания Национальной библиотеки Франции (Ms. Persan Suppl. 1113, F.126 vo) (Эрденэбат У., 2006, с.56, рис.41) трон правителя украшен изображениями драконов с тремя когтями, что пока не поддается объяснению, поскольку изображения с трехпалыми драконами полагались остальным представителям знати, не относящимся к роду императора. В халатах с трехпалыми драконами на этой же миниатюре изображены персонажи из ближайшего окружения ильхана. Судя по всему, указ Хубилая распространялся и на вассальных правителей. Независимо от того, были ли они царями или военачальниками, они получали в подарок престижные вещи, украшенные образами драконов с тремя когтями. Об этом можно судить на основании изображения ткани с золотым трехпалым драконом, представленной в облачении архиепископа Киликийской Армении Иоанна, на миниатюре 1289 г из собрания Матенадарана (рис.10). Д.Куюмджян полагает, что из этой ткани могла быть выполнена туника, надевавшаяся под роскошную ризу, или этот кусок шелка был пришит к нижнему платью (Куюмджян Д., 2006, р.304, 309). Исследователь отмечает, что, по данным армянских источников, престижные подарки поступали к армянским аристократам непосредственно от монгольского двора в Каракоруме или от монгольских правителей в Иране. Армянские принцы и цари являлись ко двору великого хана в Центральной Азии или, в особенности в период правления Хулагу (1256-1265), его сына Абаги (1265-1282) и внука Аргуна (1284-1291), в резиденции ильханов в Иране. Во время этих визитов проходил обмен дипломатическими подарками между армянскими аристократами и монгольскими правителями (Куюмджян Д., 2006, р.305-309). Архиепископ Иоанн, как брат царя Киликийской Армении Хетума I и спарাপета Армении Смбата, ко-

Рис. 9. Реконструкция кафтана из шелка с изображением драконов. Могильник Джухта.
Fig. 9. A reconstruction of a caftan made of silk with images of dragons. Jukhta burial ground

торые были приняты монгольскими ханами в Каракоруме, мог получить китайский шелк от одного из своих братьев (Коцунjian D.,

2006, p.309-310). Наиболее вероятным временем получения ткани с трехпалым драконом Д.Куюнджян считает 1270 г или 1280 г

Рис. 10. Архиепископ Киликийской Армении Иоанн, брат царя Хетума, в сцене рукоположения. Миниатюра 1289 г, Ереван, Матенадаран (М.197, лист 341 v). Электронный ресурс: http://en.wikipedia.org/wiki/Armeno-Mongol_relations 15.03.12.

Fig. 10. Archbishop John of Cilician Armenia, the brother of King Hethum, in a scene of ordination. A miniature of 1289, Yerevan, Matenadaran (M.197, sheet 341 v). An electronic resource: http://en.wikipedia.org/wiki/Armeno-Mongol_relations 15.03.12

(Kouymjian D., 2006, p.306). По всей вероятности, такой шелк мог быть вручен армянским аристократам после принятия указа Хубилая. Поэтому на ткани, изображенной на миниатюре, показан дракон с тремя когтями, полагающийся знати, не относящейся к роду императора.

Вернемся к шелку с драконами, обнаруженному в Шумаевском могильнике. Четыре когтя на лапах дракона означают, что обладатель халата должен быть царевичем-чингизидом, чему противоречит впускной характер захоронения и установленный исследователями половецкий погребальный обряд. Широкая датировка этого погребения, предложенная И.В.Матюшко, – XIII-XIV вв. также не способствует разгадке тайны “ртутного принца”. Если погребение было совершено до указа Хубилая, ткань с четырехпалым драконом в его погребении может отражать ситуацию, обрисованную южносунским послом Пэн Да-я, отметившим, что все монголы без различий между благородными и подлыми шили платья из золотых шелков с изображением солнца, луны, дракона и феникса (Хэй-да ши-люе, 1960, с.140). Государственная самостоятельность ханов Золотой Орды, обретенная во 2-й пол. XIII в., сохраняла их формальное подчинение имперскому центру. Надо полагать, в Золотой Орде было известно об объявлении монополии императорского двора на изображение драконов. Неясно только, придерживались ли золотоордынские ханы этого распоряжения. Спустя время об указе Хубилая в Золотой Орде уже вряд ли помнили.

Таким образом, установить ранг обладателей халатов с драконами, погребенных на территории Золотой Орды, нельзя. Но вполне вероятно, что такие халаты могли относиться к категории престижных вещей, получаемых за выдающиеся заслуги. Письменные источники характеризуют ситуацию в Ильханате. Один из примеров касается армянских князей, находившихся при дворе ильхана: “Тарсаидж (Орбелиан, зять Хасана Джалала) был в таком почете у хана Абага, что тот много раз облакал Тарсаиджа с ног до головы в царственные одеяния, сняв их с себя, и опоясывал его своим поясом из цельного золота, осыпанным драгоценными камнями и жемчугами” (цит. по: Орбели И.А., 1909, с.432). Рашид ад-дин

описывает ситуацию, сложившуюся в разгар конфликта между ильханом Текудером и царевичем Аргуном, дядей и племянником. Текудер затребовал прибытия в ставку старшего эмира Букая, который был сторонником Аргуна. Кутуй-хатун, мать Текудера, по прибытии Букая “оказала ему почет и уважение и надела на него кафтан из одежд великого ильхана” (Рашид ад-дин, 1946, с.101). С.В.Дмитриев приводит текст надгробной стелы Ай-сюэ, советника великого хана. Из текста следует, насколько были важны наградные одежды для обладателя, хранившего их во всех тяготах пути: “В четвертом месяце [года] *гуй-вэй*, летом, выбирали способных [людей], чтобы отправить [их] в посольство ко дворам всех князей Северо-Запада, и так как *гун* уже несколько раз [участвовал] в посольствах, [он был избран]. У границы [ему] был представлен *чэн-сян* Бо-ло, [еще один участник посольства]. На обратном пути [они] повстречались с бунтовщиками, и послы потеряли друг друга. Гун, не обращая внимания на стрелы и камни, [сумел] выйти из [этой] земли смерти и только через два года [пути] достиг столичного округа. [Он] прибыл на аудиенцию, неся в свертке драгоценные одежды, [которые] были ему пожалованы князем А-лу-хуэй-у, и тут же сделал [весьма подробный] доклад о дороге туда и обратно. Император был очень доволен...” (Дмитриев С.В., 2005, с.84-85).

Подведем итог. Халаты с эмблемами небесных светил и драконов относились к особой категории одежды кочевой элиты Монгольской империи. Неизвестно, к какому точно времени относятся халаты с изображением небесных символов, обнаруженные в Новопавловском могильнике и некрополе Рябичев, равным образом нет точных хронологических привязок халатов с драконами, обнаруженных в Шумаевском могильнике и некрополе Джухта. Однако эмблемы на этих халатах не являются простой случайностью или провинциальным подражанием. Они удостоверяли политическую, а не генеалогическую причастность кочевой элиты к правящему роду Чингизидов. По всей вероятности, эмблемы с астральной символикой маркировали статус человека в социальной иерархии, а халаты с изображениями драконов относились к категории наградных одежд.

Литература и архивные материалы

- Бартольд В.В.**, 1966. К вопросу о погребальных обрядах турок и монголов// Сочинения. В 9 т. Т.IV. М.
- Баяр Д.**, 1985. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия)// Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В.**, 2001. Палеоантропологические материалы из кочевнических комплексов курганного могильника Джухта-2// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Памятники исторической мысли. Вып.II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.
- Гомбоев Г.О.**, 1859. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини// Труды Восточного отделения Русского археологического общества. Ч.IV. СПб.
- Григорьев А.П., Фролова О.Б.**, 2002. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди// Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.
- Дмитриев С.В.**, 2005. Самый влиятельный христианин Монгольской империи. Проблемы реконструкции биографии иноземца на монгольской службе// Общество и государство в Китае. 35 науч. конф. М. Электронный ресурс: <http://www.synologia.ru> 15.03.12.
- Доде З.В.**, 2001а. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Памятники исторической мысли. Вып.II. Археология, антропология, палеоклиматология. М.
- Доде З.В.**, 2001б. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. М.
- Доде З.В.**, 2005а. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды// Восток. № 4. М.
- Доде З.В.**, 2005б. Уникальный шелк с “Драконами” из могильника Джухта (Северный Кавказ)// РА. № 2.
- Доде З.В.**, 2006. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог// Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Памятники исторической мысли. Вып.VI. М.
- Доде З.В.**, 2008. К вопросу о боктаг// РА. № 4.
- Доде З.В.**, 2009а. Женский костюм из золотоордынского захоронения у хутора Рябичев. Предварительные замечания// Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т.IV. Ростов-на-Дону.
- Доде З.В.**, 2009б. Половцы в Дагестане: загадочный рельеф из Кубачи// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.IX: Археология, краеведение. Ставрополь.
- Доде З.В.**, 2010. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.X. Москва; Ставрополь.
- Жуковская Н.Л.**, 1988. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.
- История Казахстана в арабских источниках**, 2005. Т.I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном. Алматы.
- “Книга” **Марко Поло**, 1956/ Пер. со старофр. И.П.Минаева; ред. и вступ. ст. И.П.Магидовича. М.
- Кононов Н.**, 1978. Способы и термины определения стран света у тюркских народов// Тюркологический сборник – 1974. М.
- Крамаровский М.Г.**, 2001. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.
- Кубанкин Д.А.**, 2007. Погребальные памятники Увекского городища// Археология Восточно-Европейской степи. Вып.4. Саратов.
- Мажитов Н.А.**, 1977. Южный Урал в VII-XIV вв. М.
- Малышев А.Б., Шереметьев А.Г.**, 2010. Монгольские и золотоордынские пайцзы, как предмет исследования в отечественной исторической науке// Археология Восточно-Европейской степи. Вып.8. Саратов.

- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.**, 2003. Шумаевские курганы. Оренбург.
- Матюшко И.В.**, 2008. Захоронение бальзамированного воина XIII-XIV веков на левобережье Иртека// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Мэн-да бэй-лу** ("Полное описание монголо-татар"), 1975. М.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А.**, 2007. Новопавлловский могильник XIV века в системе евразийских древностей. Армавир; Ставрополь.
- Орбели И.А.**, 1909. Гасан Джалал, князь Хаченский// Известия Академии наук. Серия IV. Т.III. № 6. СПб.
- Парусимов И.Н.**, 2009. Раскопки курганов могильника Рябичев// Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т.IV. Ростов-на-Дону.
- Полякова Е.А., Рахимова З.И.**, 1987. Миниатюра и литература Востока. Ташкент.
- Потемкин В.К., Симанов А.Л.**, 1990. Пространство в структуре мира. Новосибирск.
- Рашид ад-Дин**, 1946. Сборник летописей. Т.3. М.; Л.
- Рашид ад-Дин**, 1960. Сборник летописей. Т.II. М.; Л.
- Скрынникова Т.Д.**, 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.
- Сычев Л.П.**, 1977. Китайский декор как часть единой системы космологических символов// Гос. музей искусства народов Востока. Вып.IX. М.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.I. СПб.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Христианский мир и "Великая Монгольская Империя": материалы францисканской миссии 1245 года**, 2002. СПб.
- Хэй-да ши-люе.** "Краткие сведения о черных татарах" Пэн Да-я и Сюй Тина, 1960// Проблемы востоковедения. № 5. Уфа.
- Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка.** Каталог выставки, 2007. СПб.
- Эрдэнэбат У.**, 2006. Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Уланбаатар.
- Юрченко А.Г.**, 2006а. Власть и женская мода в Монгольской империи// IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8-12 авг. 2006 г.): докл. российских ученых. М.
- Юрченко А.Г.**, 2006б. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII-XV вв. СПб.
- Юрченко А.Г.**, 2008. Тайные монгольские погребения (по материалам францисканской миссии 1245 года)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк.
- Юрченко А.Г.**, 2009. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности)// Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.IX: Археология, краеведение. Ставрополь.
- Яхонтова Н.С.**, 2008. Названия Луны (санскрит – тибетский – монгольский)// Монголика – VIII. СПб.
- Allsen T.**, 2002. Commodity and Exchange in the Mongol empire. A Cultural history of Islamic textiles. Cambridge.
- China National Silk Museum**, 2005. Hangzhou.
- Dode Z.**, 2007. "Djouchta", Necropol de la periode de la Horde d'Or dans le village caucasien de Djouchti, region de Stavropol// Archeologie Medieval. № 37. Paris.
- Dschingis Khan und Seine Erben.** Das Weltreich der Mongolen, 2005. Munchen.
- Haig P., Shelton M.**, 2006. Threads of gold: Chinese textiles, Ming to Ch'ing. Atglen.
- Huang Neng-Fu**, 1994. Chung – hua fu shis I shu yuan liu. Pei-Ching.
- Kouymjian D.**, 2006. Chinese Motifs in Thirteenth-Century Armenian Art: the Mongol Connection// Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden; Boston.
- Scott Ph.**, 1993. The book of Silk. London.
- Style from the Steppes.** Silk Costumes and Textiles from the Liao and Yuan Periods 10th to 13th Century, 2004. London.

The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353, 2002//
Metropolitan Museum of Art. New York and London.

The Topkapi Saray Museum: The Albums and Illustrated Manuscripts, 1986. Boston.

Watt J.C.Y., Wardwell A.E., 1997. *When Silk Was Gold.* Central Asian and Chinese Textiles. N.Y.

Yang L., Deming A., Turner J., 2005. *Handbook of Chinese mythology.* Oxford.

Summary

Z.V.Dode (Rostov-on-Don, Russia)

EMBLEMS WITH IMAGES OF MOON, SUN AND DRAGONS ON COSTUMES OF 13TH-14TH CENTURIES MONGOLIAN NOMADIC ELITE

The paper deals with a number of findings of medieval "Mongolian" clothes with a special décor, in particular oriental robes with the sleeves decorated with moon and sun images, oriental robes made of silk fabrics with the images of dragons, and oriental robes with the images of both dragons and heavenly bodies. Robes with these symbols were the property of the reigning house according to the medieval Chinese ceremonial. After the Jin and Southern Song dynasties fell, the Mongolian elite appropriated some of the Chinese imperial symbols. This paper is aimed at the elucidation of the meaning of these symbols on the costumes of nomads of the Mongolian empire.

Robes with the emblems of heavenly bodies and dragons belonged to a special category of clothes of the nomadic elite of the Mongolian empire. The emblems on these oriental robes are neither incidental nor present any provincial imitation. They indicated not genealogical, but political belonging of the nomadic elite of the Golden Horde to the ruling Genghisid lineage.

Obviously, the Golden Horde nobility presented themselves to the court yard and at official ceremonies dressed in the "Mongolian" robe. At the same time, it is quite probable that in everyday life they wore a traditional costume, preserving their ethnic self-identity.

Статья поступила в редакцию в марте 2012 г